

Анна Степанова

Принцип природосообразности и антропологический
вектор скептической мысли (от Секста Эмпирика
к Антиоху Аскалонскому и Цицерону)*

ANNA STEPANOVA

THE PRINCIPLE OF CONFORMITY TO NATURE
AND THE ANTHROPOLOGICAL VECTOR OF SCEPTICAL THINKING
(FROM SEXTUS EMPIRICUS TO ANTIOCHUS OF ASCALON AND CICERO)

ABSTRACT. The article focuses on the issue of the formation of Cicero's teachings as an expression of the views of the Sceptics and Stoics about man reflecting the paradigm of conformity to nature. The relevance of the topic is due to the task of elucidating the subtleties of intellectual evolution of thinkers of sceptical persuasion from the "sceptical Platonism" of the 2nd and 3rd Academy to the "eclectic Platonism" of the 4th Academy. The transition from fierce criticism of the Stoics by the Sceptics to the integration of elements of the Stoic thought into the fabric of the new teachings of Antiochus and Cicero requires a detailed study. The article discusses the definition of man given by Sextus Empiricus and its relationship with the definition given by Antiochus. Special attention is paid to the principle of conformity to nature described as a key point of the Stoics and Sceptics, which plays the role of a mediator in the teachings about impressions important to Cicero. Antiochus, in his attempt to revive Platonism, tried to link the theory of receptivity (impressions) with the forms of Plato. The question of the extent of knowledge of the world, considered by the Sceptics of the 2nd and 3rd Academy, was translated, thanks to Cicero, into the terms of the 4th Academy. It was no longer only about the degree of knowledge of ethical principles, the extent of utility, but also about the degree of human abilities and their roots. The concept of nature extended to the natural value-relevant categories, has become the basis for understanding the broad scope of human life and activity.

KEYWORDS: understanding, conformity to nature, Sceptics, Stoics, affinity, Sextus Empiricus, Antioch of Ascalon, Cicero.

© А.С. Степанова (Санкт-Петербург). a-step@mail.ru. Российский государственный педагогический университет.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 11.2 (2019)

DOI: 10.25985/PI.10.2.12

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-011-00349/19 «Скептическая традиция в античном платонизме».

Известно, что античный скептицизм в его школьном выражении не был однороден и вообще претерпел значительные трансформации. В научной литературе обсуждается вопрос об освоении скептиками философских проблем, связанных с различными частями философии и их приоритетах. Так, Дж. Аннас и Дж. Барнс в своей монографии «Пути скептицизма: древние тексты и современные интерпретации» отмечали первостепенное значение для скептицизма Античности и Нового времени эпистемологии, причем «прежде века логики наступил век эпистемологии», — утверждают они¹. Существенно следующее их высказывание применительно к скептицизму Нового времени:

Такие мыслители, как Декарт и Локк, Юм и Кант, посчитали базовыми вопросами философии не язык и мысль, а, скорее, природу и масштаб человеческого понимания².

Поэтому именно с этих позиций, т.е. выяснения контекста функционирования категории понимания у античных авторов, следует исследовать тексты скептиков. Г. Страйкер отмечает большие успехи скептиков именно в эпистемологии, а обсуждая вопрос о степени раскрытия скептиками этической тематики по сравнению с эпистемологической, замечает явное отставание в области первой — впрочем, усматривая «значительно большую прозорливость в этих вопросах представителей Академии»³. Учет данных критических замечаний требует выработки стратегии исследования, которое было бы ориентировано не на ошибки скептиков, а на выявление рациональных моментов их учений, содержащих эвристический потенциал. Ближайшей задачей, трудность которой заключается в критическом характере изложения скептического учения, является исследование остающихся «за кадром» философских спекуляций тем, скрытых за явной эпистемологической проблематикой. При этом остается требующим

¹ Annas, Barnes 1985: 1.

² *Ibid.*

³ Striker 1996: 193.

внимательного рассмотрения вопрос о «положительном» аспекте содержания учений скептиков, стимулировавшем в дальнейшем появление его обновленных вариантов в рамках четвертой Академии. В этом отношении интерес представляют тексты не только Секста Эмпирика, но и Антиоха Аскалонского и Цицерона. В методологическом плане используется герменевтический принцип с терминологическим анализом.

Мысль скептиков предельно рефлексивна, направлена на выяснение того, как формируется образ восприятия у познающего субъекта, причем принципиальным моментом становится не столько фиксация образа внешнего, сколько механизм функционирования внутреннего его содержания. Так, описывая позицию Протагора, Секст резюмирует точку зрения скептика: «Значит, если нельзя ничего взять вне [субъективного] состояния, то надо доверять всему, что воспринимается согласно соответствующему состоянию» (М. 7.63–64)⁴. Подчеркивание субъективного момента в тексте Секста Эмпирика обычная практика: «не существует никакого знания помимо знающего», — сообщает он (М. 1.74). Кто же такой знающий? Подход скептиков имплицитно предполагает разъяснение феномена человека.

Отмечая наличие в человеке особого природного начала, нацеленность его на стремление к познанию, Секст Эмпирик указал тем самым на уникальность человека и, следовательно, непреходящую ценность; таково уже само даваемое им определение человека: «человек есть живое существо, по природе любящее истину» φύσει φιλάληθες ζῶον εἶναι τὸν ἄνθρωπον (М. 7.27)⁵. Выражение «по природе» относится не столько к живому существу, сколько к любящему истину, чем подчеркивается аксиоматичность сугубо человеческого свойства «любить истину», в чем и заключается естество человека. Важно, что выражение «по природе», частотность которого в трактате Секста Эмпирика высока, принимается

⁴ Опираемся на текст Mutschmann 1914 и Mutschmann, Mau 1961 и используем перевод А.Ф. Лосева (1975–1976), кроме особо оговоренных случаев.

⁵ Пер. А.Ф. Лосева с изменениями.

им именно аксиоматически, причем употребляется то по отношению к субъекту, то по отношению к объекту. Следует признать и наличие сходства в этом вопросе с позицией стоиков. Принцип природосообразности соотнесен с категорией жизни, поэтому примечательно замечание Секста:

«живое существо» относится к тому, что является для него акциденцией всегда, потому что невозможно быть человеком, не будучи живым существом (М. 7.272.3–5).

Здесь же обнаруживается еще родственное по смыслу высказывание: «когда мы существуем в качестве людей, мы живем...» (М. 7.272.7). Поэтому особое значение в исполнении замысла скептиков в изложении Секста Эмпирика приобретает по отношению к человеку фактор жизни. Это выдает в скептике экзистенциалиста; не случайно, задаваясь вопросом «философ ли скептик?», А. Несс замечает: «всегда сохранится возможность назвать скептицизм базовым философским подходом, экзистенциал-философией»⁶.

Второе определение человека, приводимое Секстом, подчеркивает его целостность: «Ведь человек не есть что-нибудь помимо телесной массы, ощущений и рассудка» (М. 7.287). Одновременно уточняется: «нелепо делать различия между телесной массой, ощущениями и рассудком» (М. 7.291). Здесь скептик спорит с догматическими философами, делающими такое различие, и в другом месте уточняет: «ведь человек есть синтез (σύνθεσις) цвета, величины, фигуры и некоторых других качеств» (М. 7.346–347)⁷.

Наиболее важным вопросом становится тема постижения, прежде всего, самого человека, обладающего телесной массой: «[ощущения] не имеют телесной природы» (М. 7.294). Отсюда скептик делает вывод о том, что ощущения не могут постичь че-

⁶ Næss 1968: 29–30.

⁷ Пер. мой – А.С.

ловека: «не существует понятия о человеке в смысле понятий догматиков; следовательно, он и непостижим» (М. 7.283–284).

Тем более знаменательно, что, обсуждая вопрос о критерии и постижении, Секст Эмпирик прибегает к помощи образа человека, объявляя его первым критерием: человек как критерий — это «то, чем». Согласно скептику, если сам критерий непостижим, то «познание истины не может быть найдено». Чтобы постичь этот критерий, должна быть «возможность его помыслить», но проблема заключается как раз в том, что «до сих пор помыслить человека не удавалось. Значит человек и совершенно непостижим» (М. 7.263–264). Несмотря на итоговый постулат о невозможности указанного мысленного конструкта, мысль скептиков о том, что понимание человека должно принадлежать не только философу, а всем, что явствует из его критики позиции Демокрита (М. 7.266–267), вовсе не тривиальна и не случайно транслируется Секстом Эмпириком. Главное, как полагал скептик, «дать человека», «остающегося самим собой» (М. 7.271–272). Немаловажным признаком природы человека, судя по всему, Секстом признается феномен понимания (σύνεσις), поскольку значительную долю своих рассуждений он посвятил этой теме в разных ее аспектах (М. 7.320, 323, 325–326, 335, 358). Секст Эмпирик использует термин σύνεσις ‘связь’ обычно в значении ‘понимание’. В этом же значении он встречается у Фукидида и Диодора⁸.

Тема человека раскрывается у скептиков и в других ракурсах, причем с учетом разнообразия их подходов к теории восприятия. Так, ссылаясь на Карнеада, Секст считал допустимым для представления быть критерием в случае, если оно является в виде истинного, при этом он уточнял, что «мы не можем ничего воспринять более наших собственных аффекций» (М. 7.193). Тема «аффекта» (πάθος), программная для эллинистической эпохи, становится и для скептиков ключевой, поскольку напрямую связана с человеческим фактором и восприятием феноменов. При этом отчетливо проводится мысль о практической значимости

⁸ См. Дворецкий 1958 s.v.

проблемы восприятия. Говоря о критерии для выбора или избегания, скептик Тимон таковым называл предпочтительное для скептиков *явление*, необходимое, по его мнению, для того, чтобы «не быть бездеятельными и в жизненных делах непрактичными (ἄπρακτον)» (М. 7.30)⁹. Не случайно, далее, детализируя предмет рассуждения, Секст вновь обращается к вопросу о необходимости рассмотрения каждого критерия, касающегося жизни (κατὰ τὸν βίον). Следует также отметить, что вводимый Аркесилаем единственный критерий вместо стоических двух, а именно «благоразумие» (εὐλόγόν, ср. М. 7.193), был нацелен не просто на разумное основание, но на фактор личного предпочтения, позволяющего совершить поступок, ведущий к успеху. Поэтому неудивительно, что аргумент *ad hominem* стал для скептиков ключевым в эпистемологии. Таким образом, вопрос о критерии из теоретической плоскости малозаметно переходил в этико-практическую. Не случайно, что Секст отмечает большую опытность пирроновцев по сравнению с другими философами.

Обращение к теме образования является логическим следствием базовой антропологической парадигмы и основывается на известной эпистемологической схеме. Отрицание возможности образования, следующее у скептиков за отрицанием возможности познания — хотя сам Секст мимоходом и отмечал природное стремление человека к знанию, — кажется неколебимым принципом скептиков. Так, философ доказывает, что обучение не происходит на основании очевидности:

очевидность принадлежит к области предметов наглядных. Наглядное же явствует, а явное, поскольку оно явствует, воспринимается всеми одинаково, а то, что воспринимается всеми одинаково, не есть предмет изучения. Следовательно, то, что в силу очевидности наглядно, не подлежит изучению (М. 11.240).

Вместе с тем выражение «по природе», вводя фактор всеобщности, может разъяснить присутствие в учении скептиков лазейки для возможности появления впоследствии образовательного

⁹ Пер. мой — А.С.

вектора в качестве не только допустимого, но и необходимого фактора самой человеческой природы. В этом смысле знаменательны фразы: «чувственное должно действовать на всех одинаково» (М. 8.191), «нельзя учиться никакому чувственному как чувственному... знание всего этого достается нам от природы» (М. 8.203); таковы же и рассуждения о рассудке, который бы перед распознаванием истинного и ложного «гораздо раньше устремлялся к своей собственной природе, через которую он существует» (М. 7.348). Эти реминисценции напоминают мотив οἰκείωσις как «сродства» всех сущих, со-чувствующих друг другу. Фактор чувства действительно приоритетен для системы доказательства Секста, даже в тех случаях, когда он спорит со стоиками относительно чувственного знака. Так, согласно скептикам, свойство «чувствовать» укоренено в человеке, поэтому правомерно замечание Г. Страйкер о том, что для скептиков как представителей эллинистической эпохи характерна мысль о внутренней обусловленности индивидуального счастья, поскольку речь не идет о том, «как люди действительно живут, но лишь о том, как они чувствуют»¹⁰. Даже пытаясь доказать невозможность обучения, Секст прибегает к понятию чувства. В разделе Περὶ σῶματος скептик утверждает:

Ведь чувственное, поскольку оно чувственное, в свою очередь не преподается, [ибо] «чувствовать» относится к непреподаваемому и присуще нам от природы (М. 1.23).

Вместе с тем, в другом фрагменте, отвергая существование чувственного и уподобления ему знака, он отмечает совсем в духе стоического природного принципа οἰκείωσις ('склонность', 'привязанность', 'сродство'), что «все чувственное по природе является объектом для всех, находящихся в одинаковом состоянии и одинаково ими воспринимается» (М. 8.187). Любопытно, что, отрицая возможности обучения в целом, как и любые элементы учебного процесса, Секст Эмпирик неоднократно использует

¹⁰ Striker 196: 193.

глагол «обучать» в других разделах своего трактата в значениях ‘убедить’, ‘растолковать’, ‘разъяснить’, ‘показать’, например: καθὼς προβαίοντος τοῦ λόγου διδάξομεν («как мы покажем в дальнейшем изложении», М. 2.328). Поэтому подспудно критика скептицизмом догматиков имела противоположный эффект, и следует принять к сведению реплику А.Ф. Лосева относительно роли скептицизма: «он весьма оригинально, сильно и глубоко выполнял просветительские функции»¹¹.

Заканчивая изложение аргументов против обучения, Секст обозначил свою миссию как «исцеление разума», что соотносимо с терапевтической доминантой у стоиков и вполне отвечает гуманистической доминанте мировоззрения эллинистическо-римской эпохи. В то же время заявка скептиков на обсуждение проблем человека, его жизненных ориентиров имела продолжение в лице Антиоха из Аскалона. Определение Антиохом человека, которое необходимо для определения высшего блага, напоминает определение Секста с его акцентированием целостности человека как синтетического существа:

Наконец, не тело ли и душа вместе составляют человека? Причем человек состоит из двух этих частей, однако только они вместе составляют человека, подобно тому, как упряжку из двух лошадей мы не разделяем на переднего и заднего коней, но вместе называем парой¹².

Однако представления скептиков изрядно разбавлены стоицизмом, при этом речь идет о новациях концептуального свойства. Следует признать справедливый замечание А.А. Лонга:

критика Антиохом стоической этики базируется на проблемах естественных свойств, и его признание, что природа человека важнее, чем добродетель, благодаря ее стремлению к совершенству, особенно примечательно¹³.

¹¹ Лосев 1975: 57.

¹² Ap. Aug. Civ. 19.3. Пер. Е.В. Афонасина (цит. по: Диллон 2002: 82).

¹³ Long 1986: 229.

Отсюда понятно, что у Цицерона при посредничестве Антиоха сохраняется приверженность тезису «по природе», но он уже определенно принимает вид стоического «согласия с природой», понимаемого Цицероном в качестве эмбрионального свойства ὄρμη ('стремления' в учении стоиков). В то же время у Цицерона мы обнаруживаем термин *studium* в том же значении природного свойства, склонности, но уже в значении уникально человеческой способности стремления человека к благу (Cic. Ac. 1.2.20), а также и свойства *animi appetitus* 'душевного побуждения' (Cic. Fin. 5.9.24). Помимо природных первоначал — «первоначальных побуждений души» (5.15.41) — существует выявляющаяся значительно позднее «вторая природа» (5.25.74), собственно человеческая, благодаря которой человек сам начинает стремиться к благу (5.14.40, 15.41). Она-то и является причиной «достойных поступков» (*honesta facta*), это одно само по себе «достойное» (*honestum*). Она же проявляется и в способности к созданию сообществ, чему способствует *communicatio utilitatum et ipsa caritas generis humani*, «общность интересов и сама склонность рода человеческого» (5.23.66). Эта апелляция Цицерона к чувствам не случайна и имеет корни не только в стоической, но и в скептической традиции, а Антиох в своем стремлении оживить платонизм пытался связать теорию восприятий (впечатлений) с идеями Платона.

Так вопрос о пределах знания о мире у скептиков второй и третьей Академии трансформировался благодаря Цицерону в условиях четвертой Академии в вопрос не только о пределах знания о нравственных началах, о пределах блага, но и о пределах человеческих возможностей и их корнях. Этой эволюции способствовали новые приоритеты, а именно «идеал смешанной жизни»¹⁴, т.е. сочетания созерцательности и практичности. Цицерон обсуждает вопросы о пользе философии для житейской практики обычного человека, демонстрируя вполне сформировавшееся убеждение. Мысль о том, что сама природа учит нас быть небезразличными к людям, — этот стоический постулат Цицерон раз-

¹⁴ См. Диллон, 2002: 85.

вил до понятия, обозначающего совокупность всех задатков в человеке — нравственных, творческих, гражданственных, образовательных и, как следствие этого, — пробуждение чувства долга перед другими, обязанность перед человеческим сообществом.

Таким образом, обнаруживая у Цицерона теорию, описываемую терминами *humanitas* и *honestum*, знаменующими открытие им значимости гуманитарной области и необходимости обоснования уникальности человека, мы не должны забывать, что у этого феномена — глубоко античные корни, как было показано, во многом как скептические, так и стоические. Очевидно, что после скептиков, чьи идеи не без влияния стоиков воспринял Антиох Аскалонский, восстанавливавший платонизм, тема человека была продуктивно развита Цицероном. Понятие природного расширилось до ценностно-значимой категории, став основой для осмысления широкой сферы жизни и деятельности человека. В теоретическом плане у Цицерона не только тема человека вообще, но и природа человеческого понимания становится центральной темой античной мысли, во многом инициированной скептической традицией.

Литература

- Дворецкий, И.Х. (1958), *Древнегреческо-русский словарь*. В 2 т. Под ред. С.И. Соболевского. М.: Государственное издательство национальных и иностранных словарей.
- Диллон, Дж. (2002), *Средние платоники*. Пер. Е.В. Афонасина. СПб.: Издательство Олега Абышко; Алетейя.
- Лосев, А.Ф., ред. (1975–1976), *Секст Эмпирик. Сочинения в 2 томах*. Общ. ред. и пер. А.Ф. Лосева; ред. Т.В. Васильевой. М.: Мысль.
- Лосев, А.Ф. (1975), “Культурно-историческое значение античного скептицизма и деятельность Секста Эмпирика”, in А.Ф. Лосев (ред.), *Секст Эмпирик. Сочинения в 2 томах*, Т. 1, 5–58. М.: Мысль.
- Федоров, Н.А., пер. (2000), *О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков*. М.: Российский государственный гуманитарный университет.
- Федоров, Н.А., пер. (2004), *Учение академиков*. М.: Индрик.

- Annas, J.; Barnes, J. (1985), *The Modes of Scepticism: Ancient Texts and Modern Interpretations*. Cambridge University Press.
- Schiche, Th., ed. (1915), *M. Tulli Ciceronis De finibus bonorum et malorum*. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri.
- Long, A.A. (1986²), *Hellenistic Philosophy: Stoics, Epicureans, Sceptics*. University of California Press.
- Mutschmann, H., ed. (1914), *Sexti Empirici Opera*. Vol. 2: *Adversus mathematicos libros VII–XI continens*. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri.
- Mutschmann, H.; Mau, J., eds. (1961²), *Sexti Empirici Opera*. Vol. 3: *Adversus mathematicos libros I–VI continens*. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri.
- Næss, A. (1968), *Scepticism*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Striker, G. (1996), “Ataraxia: Happiness as Tranquility”, in Ead., *Essays on Hellenistic Epistemology and Ethics*, 183–195. Cambridge University Press.